

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1179-1186
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1179

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Financial Situation of Retired Russian Officials (19th – early 20th centuries)

David I. Raskin ^{a, *}, Philipp N. Nikitin ^a

^aSt. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the financial situation of officials of the Russian Empire after their retirement in the period from 1827 (editions of the Pension Statute) to 1917. When adopting the Pension Statute, it was assumed that the pension of officials should be equal (on average) to their salary received in the service. But in connection with the subsequent repeated increase in salaries, the size of the pension became much less than this salary. The article examines the dynamics of the “replacement rate” of pensions of Russian officials (in the period from the 1840s to the beginning of the 20th century), i.e. relationship between pension and salary. The article shows that the size of the pension of almost all categories of officials gradually made up an ever smaller share of their salary. The main reason for such a lag in pensions from the gradually increasing salaries was the constant lack of funds in the state treasury.

The article shows that after retirement, the financial situation of Russian officials deteriorated sharply. For an official, resignation meant a decrease in the level of income by at least 2-3 steps on the hierarchical career ladder.

In parallel with this process, there were changes in the purchasing power of the ruble, an increase in prices for housing and basic foodstuffs, i.e. changes in the real size of pensions. These changes also affected the financial situation of retired officials.

The article illustrates, using examples from fiction, a sharp decline in the standard of living of Russian officials after their retirement.

At the same time, to the beginning 20th century the vast majority of Russian officials had no other sources of income other than salaries and, therefore, in old age they had to rely only on pensions.

The government's refusal to index pensions predetermined the archaism and inefficiency of the pension system in the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, officials, pensions, salary, “substitution coefficient”, standard of living.

1. Введение

Пенсионное обеспечение чиновников гражданского ведомства являлось важной частью системы государственной службы в Российской империи. Уровень этого обеспечения определял в значительной степени мотивацию и жизненные стратегии служащих. В конечном счете, убеждение в получении при отставке пенсии, обеспечивающей более или менее сносное существование, было одним из важнейших составляющих поддержания стабильности и эффективности деятельности государственного аппарата. Как указывал в 1850 г. гр. П.Д. Киселев, «Распространение этого убеждения между сословием чиновников, чрез которых обращается вся машина государственного управления, необходимо и в нравственном отношении, дабы устранить для чиновников необходимость помышлять об обеспечении своей старости средствами предосудительными» (Раскин, Солнышкин, 2022: 1714).

* Corresponding author

E-mail addresses: d.raskin@mail.ru (D.I. Raskin), mr.fil.nikitin@mail.ru (P.N. Nikitin)

Но «коэффициент замещения» (т.е. соотношение размеров пенсии с получаемым на службе жалованием) в течение XIX – начала XX в. все больше и больше снижался. Пенсии становились по сравнению с окладами жалования все меньше, что делало пенсионную систему все менее эффективной.

В XIX – начале XX в. наблюдалось большое разнообразие окладов жалования чиновников и регулярные изменения размеров этих окладов. Изменялась также реальная стоимость рубля, уровень цен и т.д. Поэтому общая характеристика системы пенсионного обеспечения в Российской империи требует конкретного исследования в динамике для каждого периода и для каждого разряда чиновников.

Настоящая статья является продолжением серии исследований по истории пенсионной системы в Российской империи.

2. Материалы и методы

Основным источником для изучения «коэффициента замещения» служат законодательно установленные размеры пенсий по Пенсионному уставу 1827 г. и штаты министерств и губернских учреждений, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи.

Русский рубль в течение XIX в. претерпел многочисленные изменения: ассигнационный рубль (в начале XIX в. потерявший большую часть своей стоимости) серебряный рубль, установленный реформой Е.Ф. Канкрин, кредитный рубль и, наконец, золотой рубль, введенный С.Ю. Витте. История изменений реальной стоимости рубля была предметом исследований специалистов по экономической и социальной истории. Но для сопоставления размеров жалования и пенсии эти изменения можно не учитывать, т.е. каждый раз жалование указывалось на момент издания соответствующего законодательного акта в ходивших тогда рублях, а размер пенсий в 1827 г. был установлен в ассигнационных рублях, а затем пересчитан на серебро. Так что для оценки «коэффициента замещения» после 1843 г. достаточно использовать «Табель окладам пенсий» по приложению к Уставам о пенсиях и единовременных пособиях, опубликованному в 3-м томе Свода законов издания 1857 г. ([Свод законов..., 1857](#), прилож. к ст. 53). Указанные в табели размеры окладов пенсий не менялись, независимо от того, в каких рублях (серебряных, кредитных или золотых) выплачивалось в тот или иной момент жалование.

Если соотношение размеров пенсий с размером жалования зависело от абсолютных цифр в пенсионных разрядах и штатах соответствующих учреждений, то реальное материальное положение отставных чиновников определялось общим уровнем цен и курсом рубля на каждый конкретный момент. Для оценки степени обеспеченности отставных чиновников в настоящей статье применена методика и расчеты Б.Н. Миронова. Эти расчеты представляются наиболее убедительными.

Количественные показатели проиллюстрированы примерами из художественной литературы и мемуарных источников.

3. Обсуждение

Подавляющее большинство исследований по истории пенсионной системы в Российской империи относятся к жанру историко-правовых. Для этих работ характерно использование главным образом законодательных источников. В них констатируются действовавшие нормы пенсионного обеспечения, чаще всего без анализа степени достаточности этого обеспечения и соотношения размеров пенсий с жалованием.

В ряде случаев отмечается недостаточность пенсий ([Чеснокова, 2012: 175](#); [Чеснокова, 2018: 91](#); [Лапаева, 2020: 20](#)), а также то, что сумма пенсий «в некоторых случаях ощутимо отличалась от поучаемого жалования» ([Федяев, 2008: 166-167](#)). Д.Н. Ермаков полагает, что главной причиной низких пенсий было то, что пенсии «исчислялись только с жалования и премиальных» без учета столовых и квартирных денег ([Ермаков, 2013: 19](#)). Но указанная причина была характерна для военнослужащих, в гражданской же службе (особенно для низших разрядов) выплата столовых и квартирных была не самым характерным явлением. Ю.П. Бокарев указывает, что именно по Уставу 1827 г. «пенсии стали значительно ниже окладов», но при этом сопоставляет оклады чиновников (директора Государственного банка, директора Московской сберегательной кассы и т.д.) на период 1860-х гг., т.е. без учета динамики окладов жалования ([Бокарев, 2018: 17-18](#)).

Таким образом, приходится констатировать, что проблема эволюции «коэффициента замещения» в пенсионном обеспечении чиновников Российской империи на сегодняшний день остается не исследованной.

Несколько лучше обстоит дело с изучением материальной обеспеченности чиновников, находящихся на службе.

Содержательный анализ материального положения российских чиновников в XIX в., включающий сведения об их жаловании, в отдельных случаях – примерных расходных бюджетах, а также о наличии внеслужебных источниках доходов (прежде всего, наличии поместий и др. недвижимости) дан в монографии П.А. Зайончковского ([Зайончковский, 1978: 81-105](#)). Тем не менее, в силу специфики данного исследования, этот анализ не является исчерпывающим.

Проблема уровня жизни российских чиновников в кон. XVIII – первой половины XIX в. исследована в статье Л.Ф. Писарьковой (Писарькова, 1995: 147-159).

Жалованье и, соответственно, материальное положение провинциальных чиновников рассматривается (на примере Урала, Астраханской и Московской и Калужской губерний) в работах С.В. Любичанковского (Любичанковский, 2007: 153-156), Н.Н. Дрыгиной (Дрыгина, 1010: 21-22) и В.А. Иванова (Иванов, 2012: 20-32). Во всех этих работах констатируется низкий уровень материального положения чиновничества.

И, наконец, вопросы материального положения российских чиновников в XVIII – начала XX в. в контексте эволюции уровня жизни основных групп населения Российской империи освещены в фундаментальной монографии Б.Н. Миронова (Миронов, 2015: 208-221). В своей работе Б.Н. Миронов рассматривает размеры номинального жалованья (и др. источников доходов) чиновников сравнительно с изменениями покупательной способности рубля и индекса потребительских цен. Автор показал, что после резкого снижения покупательной способности жалованья чиновников в 1-й четверти XIX в. и относительной стабилизации рубля во 2-й четверти правительство повысило жалованье, в результате чего к началу XX в. «годовое содержание бюрократии по своей покупательной способности приблизилось к уровню 1760-х гг. Это все, что могло сделать правительство для бюрократии, на большее средства отсутствовали» (Миронов, 2015: 221).

При этом пенсионное обеспечение вышедших в отставку чиновников автор не рассматривает (Миронов, 2015: 208).

Таким образом, эволюция доходов находившегося на службе чиновничества в целом довольно хорошо изучена. Но аналогичная эволюция их пенсионного обеспечения, т.е. доходов после выхода в отставку, нуждается в исследовании.

4. Результаты

Пенсионный устав 1827 г. был основан на компромиссе между принципом вознаграждения за полный (35-летний) стаж службы, пенсией в размере полного жалованья и разнообразием размеров жалованья по различным должностям при одинаковых чинах. После долгого изучения окладов жалованья в различных учреждениях пенсионные разряды были установлены на основе усредненных размеров жалованья (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-а. Л. 265-268; Raskin, 2020: 2487-2488). Например, жалованье (с учетом столовых денег) губернатора в 1-й четверти XIX в. равнялось 3 тыс. руб. ассигнациями в год, что соответствовало размеру пенсионного оклада по 2-му разряду, к которому была отнесена должность губернатора (Зайончковский, 1978: 74). Годовое жалованье директора департамента в министерствах (также 2-й пенсионный разряд) составляло 3 тыс. руб. ассигнациями (ПСЗ. Т. 44. Ч. 2. № 20747). Пенсия для 1-й степени 3-го разряда равнялась 2 тыс. руб. ассигнациями, а жалованье вице-губернатора, должность которого была отнесена к этому разряду, составляло 2200 руб. (также ассигнациями) в год (Зайончковский, 1978: 74). Но разнообразие должностей в различных ведомствах и, соответственно, разнообразие окладов приводило к тому, что в некоторых случаях усредненные размеры пенсионного оклада были ниже размеров годового жалованья, а в некоторых случаях превышали его. Это разнообразие в дальнейшем возрастало.

Но уже к 1840 – началу 1860 гг. размеры пенсионных окладов по Уставу 1827 г. стали заметно отставать от размеров повышающегося жалованья чиновников.

По подсчетам Б.Н. Миронова, среднее реальное годовое жалованье чиновников составляло в 1820-х гг. 18 % от уровня 1760 г., в 1830-х гг. – 17 %, в 1840-х гг. – 47 %, в 1850-х – 35%, в 1860-х – 46 %, в 1870-х – 50 %, в 1880-х – 68 % и только в 1890-х гг. достигло 102 %, снизившись в 10-е гг. XX в. до 94 %, в 1911 – 1913 гг. до 83 % (Миронов, 2015: 212-215).

К середине XIX в. оклады жалованья чиновников значительно возросли.

Например, если в 1800 г. по Общему штату губерний жалованье губернатора (в губерниях 1-го разряда) составляло 1800 руб. жалованья (и 1200 руб. столовых), вице-губернатора – 1200 руб., советника губернского правления – 600 руб., асессора – 300 руб., секретаря губернского правления – 250 руб. (все оклады в ассигнациях) (Зайончковский, 1978: 74). А в 1858 г. в Остзейских губерниях оклад губернатора составил 1716 руб. (и 1716 руб. столовых), вице-губернатора – 1400 руб. (а также 600 руб. столовых и 570 руб. квартирных), советника губернского правления – 560 руб. (и 340 руб. столовых), асессора – 350 руб. (и 250 руб. столовых), секретаря – 336 руб. (и 169 руб. столовых и квартирных) (2ПСЗ. Т. 33. Ч. 3. № 26269).

Поскольку все эти оклады указаны в серебре, соотношение жалованья в 1858 г. (без учета столовых и квартирных, т.к. на 1800 г. они не указаны) по отношению к 1800 г. составляет соответственно ок. 400 %, ок. 408 %, ок. 375 % и ок. 470 %.

Соответственно, увеличивался разрыв между жалованьем и пенсией.

Например, в 1853 г. жалованье сенатора (1-й пенсионный разряд) равнялось от 2872 до 4939 руб. сер. в год (Зайончковский, 1978: 79-80), так что соответствующая пенсия (1143 руб. 60 коп.) составляла от 39,8 % до 23,1 % от годового жалованья. В этом же году годовое содержание директоров Департамента сельского хозяйства МГИ, Хозяйственного департамента МВД, Департамента разных податей и сборов и Департамента Государственного казначейства Министерства финансов

(2-й разряд) составляло, соответственно, 4830, 5030, 8355 и 9930 руб. (Зайончковский, 1978: 80). Пенсия по этому разряду (857 руб. 70 коп.) равнялась, соответственно, от 8,6% до 17,7%. В 1851 – 1853 гг. жалование вице-губернатора равнялось 1400 руб., председателя казенной палаты – от 1400 до 1428 руб., председателя палаты уголовного и гражданского суда – от 700 до 1142 руб. (Зайончковский, 1978: 76-78). Эти должности относились к 1-й степени 3-го пенсионного разряда (571 руб. 80 коп.). Их пенсии составляли, соответственно, от 40 % до 81,7 % жалования.

Годовой оклад советника губернского правления (2-я степень 3-го разряда) в 1845 г. составлял 600 руб. (Зайончковский, 1978: 76), а его пенсия (428 руб. 85 коп.) – 71,5 % от этого оклада. К 1863 г. пенсия советника палаты уголовного и гражданского суда (тот же разряд) составляла всего 48,7 % от годового жалования, в 1866 г. пенсия начальника отделения в МГИ (тот же разряд) – 33 % жалования (2ПСЗ. Т. 41. № 4424).

Аналогичная картина наблюдается и в более низких разрядах. Например, в 1860 г. пенсия помощника столоначальника в Лесном департаменте МГИ (6-й разряд) составляла 62,3 % от его годового жалования (2ПСЗ. Т. 35. № 35687). В 1866 г. пенсия помощника бухгалтера в МГИ составляла 38,2 % их жалования, помощника столоначальника в том же ведомстве (9-й разряд) – 28,6 % от жалования (2ПСЗ. Т. 41. № 4424).

Разброс «коэффициента замещения» пенсий по всем разрядам был довольно большим, что зависело от ведомства. Различным должностям, отнесенным к одному и тому же пенсионному разряду, были присвоены различные оклады жалования. Но в целом размер пенсий для всех разрядов и должностей был заметно, а иногда и значительно меньше жалования.

К началу XX в. это отставание еще больше увеличилось. Так, пенсионные оклады директоров департаментов МВД, МЗиГИ, Министерства финансов, Министерства юстиции (2-й разряд) составляли от 10 до 25 % их содержания (Зайончковский, 1978: 87; 3ПСЗ. Т. 14. № 10457), вице-директоров департаментов в министерствах (1-я степень 3-го разряда) – 28,6 %, а управляющих казенными палатами – 8,8 % (Зайончковский, 1978: 89), начальников отделений Департамента общих дел МВД (2-я степень 3-го разряда) – 14,3 % (Зайончковский, 1978: 88), столоначальников департаментом МВД (7-й разряд) – от 11,4 до 14,5 % (Зайончковский, 1978: 88), помощников столоначальника, бухгалтера в казенных палатах (9-й разряд) – от 9,5 до 10 % (Зайончковский, 1978: 89).

В результате директор департамента или губернатор при выходе на пенсию могли рассчитывать на годовое содержание в размере жалования начальника отделения в департаменте (857 руб.), вице-губернатор – примерно 90 % жалования столоначальника (571 руб. 80 коп.).

П.А. Зайончковский приводит примерные бюджеты столичных чиновников, составленные в 1957 г. экономистом П.Н. Небольсиным. Расходная часть годовых бюджетов трех коллежских асессоров, живущих более или менее на широкую ногу, составляла в среднем ок. 1346 руб. Это больше, чем полная пенсия по 1-му разряду (т.е. пенсия сенатора). При этом современники считали данные бюджеты сильно преувеличенными. Только расходная часть бюджета титулярного советника, питавшегося весьма скромно, покупавшего одежду на толкучке и т.д. (318 руб. 60 коп.) соответствовала, примерно, полной пенсии 4-го разряда (чиновников 6-го – 5-го класса) (Зайончковский, 1978: 80-83).

В этих бюджетах расходы на жилье составляют от 17 – 18 % (квартира) до 24 % (съемная комната). Характерно, что в бюджетах петербургских рабочих на начало XX в. расходы на жилье составляли также от 15 до 21 % (Миронов, 2015: 177). Если исходить из этого соотношения, то в конце XIX – начале XX в. даже получавший пенсию 1-го разряда отставной чиновник не мог позволить себе снимать среднюю (3 – 5 комнат) квартиру, т.е. платить за жилье 500 – 1 тыс. руб. в год. Для большинства отставных чиновников в Петербурге доступным жильем были съемные комнаты в мансардах, углы и подвалы. Несколько лучше обстояло дело в провинции. Например, в Москве малая (менее 4-х комнат) квартира была доступна получавшим пенсию 2-го разряда, в Твери – 2-го, 4-го разряда, а в Бежецке – 1-го, 2-го разряда (Города России..., 1906: 249). Ниже была в провинции и стоимость продуктов питания.

Контраст между уровнем жизни губернатора до и после отставки ярко изобразил М.Е. Салтыков-Щедрин: «Он поселился в четвертом этаже во дворе того самого дома, где живет и бывший его патрон... По воскресеньям... на целый день уходит из дома сначала в греческую кухмистерскую, потом на ералаш (по 1/10 копейки за пункт) к кому-нибудь из бывших помпадуров [губернаторов Д.Р., Ф.Н.], который еще настолько богат средствами, чтоб на сон грядущий побаловать своих гостей рюмкой очищенной и куском селедки. Там в интервалах сдач ропшущие экс-помпадуры рассказывают друг другу о бывшем привольном житье, о стерляжьей ухе, о цене на рябчиков и индюков, о любопытнейших сенатских указах, о столкновениях, пререканиях и проч. ...а наутро опять наступает понедельник... обед ценою не свыше тридцати копеек... Худой и выцветший, в поношенном пальто, с сильно порыжелым бобровым воротником, он первого числа каждого месяца сидит на площадке лестницы Главного казначейства и в ожидании своей очереди для получения пенсии беседует с “старушкой”... “Всей-то моей пенсии, - говорит “старушка”: никак двенадцать рублей сорок три копейки в месяц будет. На себя, значит, семь рублей получаю, да на внучек – сын у меня на службе помер, так вот на них пять рублей сорок три копейки пожаловали... такое ли прежде мое

жизнь было! Дом-то полная чаша, хоть кто приходи, не стыдно! И мы в гости, и к нам гости! Ну, а теперь не прогневайся! Один день с квасом, а другой и так в сухомятку поедим. Ну, а вы, сударь, чай много суммы-то получаете» – да в месяц восемьдесят один рубль шестьдесят копеек. Не развернешься тоже, сударыня!» (Салтыков-Щедрин, 1939: 139-141). Несмотря на гротесковость изображения, обусловленную жанром сатиры, М.Е. Салтыков-Щедрин довольно точен в деталях. «Старушка», очевидно, получает вдовью пенсию по 7-му разряду. Губернатор – по 2-му разряду (указанные сатириком суммы в первом случае несколько меньше, а во втором – несколько больше предусмотренных в законе). Действие происходит в начале 1860-х гг. Отметим, что изображенный автором «помпадур» (губернатор) не составил состояния на службе.

Параллельно с изменениями соотношения размеров пенсий и жалования шел процесс изменения покупательной способности рубля, влиявший на уровень жизни как служащих, так и оставших чиновников.

В настоящее время имеется немало исследований по истории цен и, соответственно, реальной заработной платы, но почти все они рассматривают заработную плату и расходные части бюджетов рабочих. Это относится и к поводящей итоги данных исследований фундаментальной монографии Б.Н. Миронова. На спектр расходов рабочего ориентирован и его расчет индекса цен. Поскольку жизненный стандарт чиновника, даже отставного, предполагал несколько иной набор товаров и услуг, этот расчет применительно к чиновникам может служить, скорее, ориентиром. В соответствии с расчетом Б.Н. Миронова, индекс цен по отношению к 1703 г. в 1820-е гг. составлял 301%, в 1830-е гг. – 333 %, в 1840-е – 346 %, 1850-е – 397 %, 1860-е – 431 %, 1870-е – 419 %, 1880-е – 508 %, 1890-е – 533 %, в 1911 – 1913 гг. – 632 %, в 1913 г. – 634 %. (Миронов, 2015: 182-183). Таким образом, с момента введения Пенсионного устава до начала XX в. индекс цен возрос, примерно, в полтора раза. Повышение жалования в течение 2-й половины XIX в., как показал Б.Н. Миронов, позволило достичь уровня их обеспеченности на 1760-е гг. лишь к началу XX в.

Для оценки степени обеспеченности чиновников в отставке существенным является вопрос, какое место пенсия могла занимать в их доходах в целом.

Наличие дворянского имения могло значительно снижать заинтересованность чиновника в пенсии. Но уже в середине XIX в. 73 % классных чиновников не имели крепостных (в том числе 36 % высших чиновников, 46% чиновников VI – VIII классов и 79 % чиновников XIX – XIV классов) (Миронов, 2015: 218). В 1902 г. 73 % чиновников I – IV классов не имели земли, не считая загородных дач, бывших не источником доходов, а статьей расходов (Корелин, 1979: 98). Среди средних и низших чиновников этот процент был, несомненно, гораздо больше.

Доходы от предпринимательской деятельности (в пореформенное время) были актуальны скорее для ушедших с казенной службы. Наличие унаследованных или полученных в приданное за женой (из купечества) капиталов трудно поддается учету, но, скорее всего, это не было массовым явлением, а служба таких чиновников носила номинальный характер (например, чиновник по особым поручениям или причисленный к штату).

Для подавляющего большинства российских чиновников середины XIX - начала XX в. служба была единственным источником дохода, а, следовательно, пенсия – единственным ресурсом после отставки. Именно это заставляло чиновников служить до последней возможности, по крайней мере, до достижения необходимого пенсионного стажа.

Например, по воспоминаниям В.Г. Короленко, его отец (уездный судья в Вольнской губ.), уже будучи парализованным, из последних сил старался дожить до 35-летнего стажа, а поскольку ему это не удалось, семья осталась без средств к существованию (Короленко, 1953: 210-211).

Общеизвестным источником доходов чиновников, позволявшим скопить средства и на старость, были взятки и прочие «безгрешные доходы». Но общепринятые представления о российском чиновничестве как о насквозь коррумпированной корпорации нуждаются по меньшей мере в уточнении.

Как и в размерах жалования и условиях службы, так и в возможностях обогащения путем лихоимства наблюдалось большое разнообразие. Это зависело и от ведомства, и от конкретной должности. Например, такой компетентный свидетель, как М.Е. Салтыков-Щедрин, указывая на особенно благоприятное положение членов казенных палат, заведовавших откупом (в их реальных доходах жалование составляло всего ок. 2 %), отмечал: «Какой-нибудь советник губернского правления, чтобы поставить себя в материальном отношении на одну высоту с советником казенной палаты, обязывался совершить что-нибудь необыкновенное: или войти в пай с убийцами, или скрасть сенатский указ, или сделать подлог... Так, например, ... губернский контролер, чтобы получить мзду, нередко оставлял без утверждения даже самые правильные отчеты, так что ему давали взятку только затем, чтобы развязаться с ним. На места губернских казначеев попадали древние старики, которые жили подачками при подписании указов о выдаче денег, а также подарками, получаемыми от уездных казначеев» (Салтыков-Щедрин, 1947: 209).

Одни чиновники наживали на службе состояние, другие в лучшем случае жили. У последних все коррупционные доходы прекращались после выхода в отставку. Но пенсия сулила им по крайней мере скудное выживание в старости.

В пореформенное время сфера коррупционных доходов значительно снизилась. Свободным от коррупции стал пореформенный суд. Уничтожение откупов и др. реформы резко снизили коррупционный потенциал финансового ведомства. Меньше возможностей для злоупотреблений стало у чиновников губернских учреждений. Для служащих это отчасти компенсировалось повышением жалованья. А положение вышедших на пенсию только ухудшалось.

5. Заключение

Главным фактором, предопределившим устаревание пенсионной системы и недостаточность пенсионного обеспечения чиновников, стала неизменность размеров пенсий, установленных в 1827 г. Этот недостаток мог быть устранен периодическим индексированием пенсий по мере увеличения окладов хотя бы при новых изданиях 3-го тома Свода законов. Но правительство при издании в 1857 г. Свода законов ограничилось переводом размеров пенсионных окладов по разрядам с ассигнационного рубля в серебряный. Номинальный размер этих окладов, таким образом, не претерпел изменений. Главной причиной этого был постоянный недостаток средств в казне (Раскин, Солнышкин, 2022: 1714, 1716-1717). В то же время размеры жалованья служащих постепенно увеличивались. Находя средства для увеличения жалованья служащих, правительство не считало необходимым выделять средства для улучшения отставных чиновников. Поэтому разрыв между размерами пенсий и жалованья все более возрастал. Это происходило на фоне роста цен, делавшего реальный размер пенсии еще меньше. Таким образом, к началу XX в. система пенсионного обеспечения чиновников в Российской империи стала абсолютно неэффективной. Это подрывало стабильность всей системы государственной службы.

В то же время рост доли чиновников, единственным источником доходов которых было жалованье, делал проблему пенсионного обеспечения особенно актуальной.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ № 22-28-00060.

Литература

- Бокарев, 2018 – Бокарев Ю.П. Первые пенсионные системы Российской империи // *Вестник ЮУрГУ*. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. № 4. С. 17-18.
- Города России..., 1906 – Города России в 1904 году. Т. 1. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1906. 907 с.
- Ермаков, 2013 – Ермаков Д.Н. Тенденции развития российской пенсионной системы: дисс. ... док. экон. наук. М., 2013. 421 с.
- Дрыгина, 2010 – Дрыгина Н.Н. Астраханские чиновники: жалование и материальное положение (2-я половина XIX века – начало XX в.) // *Новый исторический вестник*. 2010. № 25. С. 16-24.
- Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Иванов, 2012 – Иванов В.А. Служебная пригодность или личные симпатии начальника: окладное содержание служащих местных государственных учреждений России в середине XIX в. // *Вестник Рос. ун-та дружбы народов*. 2012. № 1. С. 20-32.
- Корелин, 1979 – Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 г. М.: Наука, 1979. 303 с.
- Короленко, 1953 – Короленко В.Г. История моего современника / Собрание сочинений. Т. 6. М.: Изд-во «Правда», 1953. 336 с.
- Лапаева, 2020 – Лапаева А. В. Пенсионное обеспечение в Российской империи в XIX – начале XX веков // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 18-23.
- Любичанковский, 2007 – Любичанковский С. В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара; Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.
- Миронов, 2015 – Миронов Б.Н. Российская империя: От традиции к модерну. В трех томах. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 992 с.
- Писарькова, 1995 – Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII—первой половине XIX в. // *Человек*. 1995. № 3. С. 121-139. № 4. С. 147-158.
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Т. 44. Ч. 2. СПб., 1830. 757 с.
- 2ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 33, 35, 41. СПб, 1858, 1862, 1866. 681, 930, 1085 с.
- 3ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 14. СПб., 1898. 1544 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Салтыков-Щедрин, 1939 – Салтыков-Щедрин М.Е. Помпадур и помпадурши // Н. Щедрин (М.Н. Салтыков). Избранные произведения в семи томах. Т. 2. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1939. 413 с.

Салтыков-Щедрин, 1947 – *Салтыков-Щедрин М.Е.* Господа ташкентцы // Н. Щедрин (М.Н. Салтыков). Избранные произведения в семи томах. Т. 3. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1947. 573 с.

Свод законов..., 1857 – Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857. 1416 с.

Федяев, 2008 – *Федяев Г.Н.* Пенсионная политика государства в дореволюционной России // *Вестник Московского университета МВД России*. 2008. № 7. С. 166-167.

Чеснокова, 2012 – *Чеснокова Ю. В.* Становление пенсионного обеспечения в России в XVI - начале XX вв. // *Известия ПГПУ имени В.Г. Белинского*. 2012. № 28. С. 173-175.

Чеснокова, 2018 – *Чеснокова Ю.В.* Становление пенсионного обеспечения в дореволюционной России / *Актуальные проблемы истории, политики и права: сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции. Пензенский государственный университет*. 2018. С. 88-93.

Raskin, 2020 – *Raskin D.I.* Pension Reform of Nicholas I // *Bylye gody*. 2020. 58(4): 2485-2494.

Raskin, Solnyshkin, 2022 – *Raskin, D.I., Solnyshkin, A.A.* The Fate of the Pension Statute of 1827 in the Russian Empire // *Bylye gody*. 2022. 17(4): 1712-1712.

References

2PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e [The complete collection of laws of the Russian Empire. 2nd collection]. Т. 33, 35, 41. SPb., 1858, 1862, 1866. 681, 930, 1085 p. [in Russian]

3PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e [The complete collection of laws of the Russian Empire). 3rd collection]. Vol. 14. SPb., 1898. 1544 p. [in Russian]

Bokarev, 2018 – *Bokarev, Ju.P.* (2018). Pervye pensionnye sistemy Rossijskoj imperii [The first pension systems of the Russian Empire]. *Vestnik YuUrGU. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki»*. 18(4): 17-18. [in Russian]

Chesnokova, 2012 – *Chesnokova, Ju.V.* (2012). Stanovlenie pensionnogo obespechenija v Rossii v XVI – nachale XX vv. [The formation of pension provision in Russia in the 19th century – the beginning of the 20th centuries]. *Izvestija PGPU imeni V.G. Belinskogo*. 28: 173-175. [in Russian]

Chesnokova, 2018 – *Chesnokova, Ju.V.* (2018). Stanovlenie pensionnogo obespechenija v dorevoljucionnoj Rossii [Formation of pension provision in pre-revolutionary Russia]. *Aktual'nye problemy istorii, politiki i prava: sbornik statej VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Penzenskij gosudarstvennyj universitet. Pp. 88-93. [in Russian]

Drygina, 2010 – *Drygina, N.N.* (2010). Astrahanskije chinovniki: zhhalovanie i material'noe polozenie (2-ja polovina XIX veka – nachalo XX v.) [Astrakhan officials: salary and financial situation (2nd half of the 19th century – beginning of the 20th centuries)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. 25: 16-24. [in Russian]

Ermakov, 2013 – *Ermakov, D.N.* (2013). Tendencii razvitiya rossijskoj pensionnoj sistemy [Trends in the development of the Russian pension system]: dis. ... dok. jekon. nauk. M., 421 p. [in Russian]

Fedjaev, 2008 – *Fedjaev, G.N.* (2008). Pensionnaja politika gosudarstva v dorevoljucionnoj Rossii [State pension policy in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 7: 166-168. [in Russian]

Goroda Rossii..., 1906 – *Goroda Rossii v 1904 godu* [Cities of Russia in 1904]. Т. 1. SPb.: Tipo-lit. Nyrkina, 1906. 907 p. [in Russian]

Ivanov, 2012 – *Ivanov, V.A.* (2012). Sluzhebnaja prigodnost' ili lichnye simpatii nachal'nika: okladnoe sodержание sluzhashchih mestnyh gosudarstvennyh uchrezhdenij Rossii v seredine XIX v. [Service suitability or personal sympathies of the chief: salary maintenance of employees of local state institutions of Russia in the middle of the 19th century]. *Vestnik Ros. un-ta druzhby narodov*. 1: 20-32. [in Russian]

Korelin, 1979 – *Korelin, A.P.* (1979). Dvorjanstvo v poreformennoj Rossii. 1861–1904 g. [The nobility in post-reform Russia. 1861–1904]. М.: Nauka, 303 p. [in Russian]

Korolenko, 1953 – *Korolenko, V.G.* (1953). Istorija moego sovremennika [History of my contemporary]. Sobranie sochinenij. Vol. 6. М.: Izd-vo «Pravda», 336 p. [in Russian]

Lapaeva, 2020 – *Lapaeva, A.V.* (2020). Pensionnoe obespechenie v Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX vekov [Pension provision in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. *Pravo: istorija i sovremennost'*. 3(12): 18-23. [in Russian]

Ljubichankovskij, 2007 – *Ljubichankovskij, S.V.* (2007). Gubernskaja administracija i problema krizisa vlasti v pozdneimperskoj Rossii (na materialah Urala, 1892–1914 gg.) [Provincial administration and the problem of the crisis of power in late imperial Russia (based on the materials of the Urals, 1892–1914)]. Samara; Orenburg: IPK GOU OGU, 750 p. [in Russian]

Mironov, 2015 – *Mironov, B.N.* (2015). Rossijskaja imperija: Ot tradicii k modernu. V treh tomah. [Russian Empire: From tradition to modernity. In three volumes]. Т. 3. SPb.: Dmitrij Bulanin, 992 p. [in Russian]

Pisar'kova, 1995 – *Pisar'kova, L.F.* (1995). Rossijskij chinovnik na sluzhbe v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. [Russian official in the service at the end of the 18th – the first half of the 19th century]. *Chelovek*. 3: 121-139; 4: 147-158. [in Russian]

PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Т. 44. Ch. 2. SPb., 1830. 757 p. [in Russian]

[Raskin, 2020](#) – *Raskin, D.I.* (2020). Pension Reform of Nicholas I. *Bylye gody*. 58(4): 2485-2494.

[Raskin, Solnyshkin, 2022](#) – *Raskin, D.I., Solnyshkin, A.A.* (2022). The fate of the Pension Statute of 1827 in the Russian Empire. *Bylye gody*. 17(4): 1712-1712.

[RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].

[Saltykov-Shhedrin, 1939](#) – *Saltykov-Shhedrin, M.E.* (1939). Pompadury i pompadurshi [Pompadours and Pompadourses]. N. Shhedrin (M.N. Saltykov). *Izbrannye proizvedenija v semi tomah*. Vol. 2. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura», 413 p. [in Russian]

[Saltykov-Shhedrin, 1947](#) – *Saltykov-Shhedrin, M.E.* (1947). Gospoda tashkentcy [Gentlemen of Tashkent]. N. Shhedrin (M.N. Saltykov). *Izbrannye proizvedenija v semi tomah*. Vol. 3. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura», 573 p. [in Russian]

[Svod zakonov..., 1857](#) – *Svod zakonov Rossijskoj imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. T. 3. SPb., 1857. 1416 p. [in Russian]

[Zajonchkovskij, 1978](#) – *Zajonchkovskij, P.A.* (1978). Pravitel'stvennyj apparat samodержavnoj Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. M.: Mysl', 288 p. [in Russian]

Материальное положение российских чиновников в отставке (XIX – начало XX в.)

Давид Иосифович Раскин ^{a, *}, Филипп Николаевич Никитин ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена материальному положению чиновников Российской империи после их выхода в отставку в период с 1827 г. (издания Пенсионного устава) до 1917 г. При принятии Пенсионного устава предполагалось, что пенсия чиновников должна была быть равна (в среднем) их жалованью, получаемому на службе. Но в связи с последующим неоднократным повышением жалованья размер пенсии стал намного меньше этого жалованья. В статье исследуется динамика «коэффициента замещения» пенсий российских чиновников (в период с 1840-х гг. до начала XX в.), т.е. соотношения размера пенсии и размера жалованья. В статье показано, что размер пенсии почти всех категорий чиновников постепенно составлял все меньшую долю их жалованья. Главной причиной такого отставания пенсий от постепенно повышающегося жалованья был постоянный недостаток средств в государственной казне.

В статье показано, что после выхода в отставку материальное положение российских чиновников резко ухудшалось. Выход в отставку означал для чиновника понижение уровня доходов как минимум на 2-3 ступени по иерархической служебной лестнице.

Параллельно этому процессу происходили изменения покупательной способности рубля, рост цен на жилье и основные продукты питания, т.е. изменения реального размера пенсий. Эти изменения также влияли на материальное положение отставных чиновников.

В статье проиллюстрировано на примерах из художественной литературы резкое снижение уровня жизни российских чиновников после их выхода в отставку.

В то же время к началу XX в. подавляющее большинство российских чиновников не имело других источников дохода кроме жалованья и, следовательно, в старости должны были рассчитывать только на пенсию.

Отказ правительства от индексации пенсий предопределил архаизм и неэффективность системы пенсионного обеспечения в Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, чиновники, пенсии, жалованье, «коэффициент замещения», уровень жизни.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.raskin@mail.ru (Д.И. Раскин), mr.fil.nikitin@mail.ru (Ф.Н. Никитин)